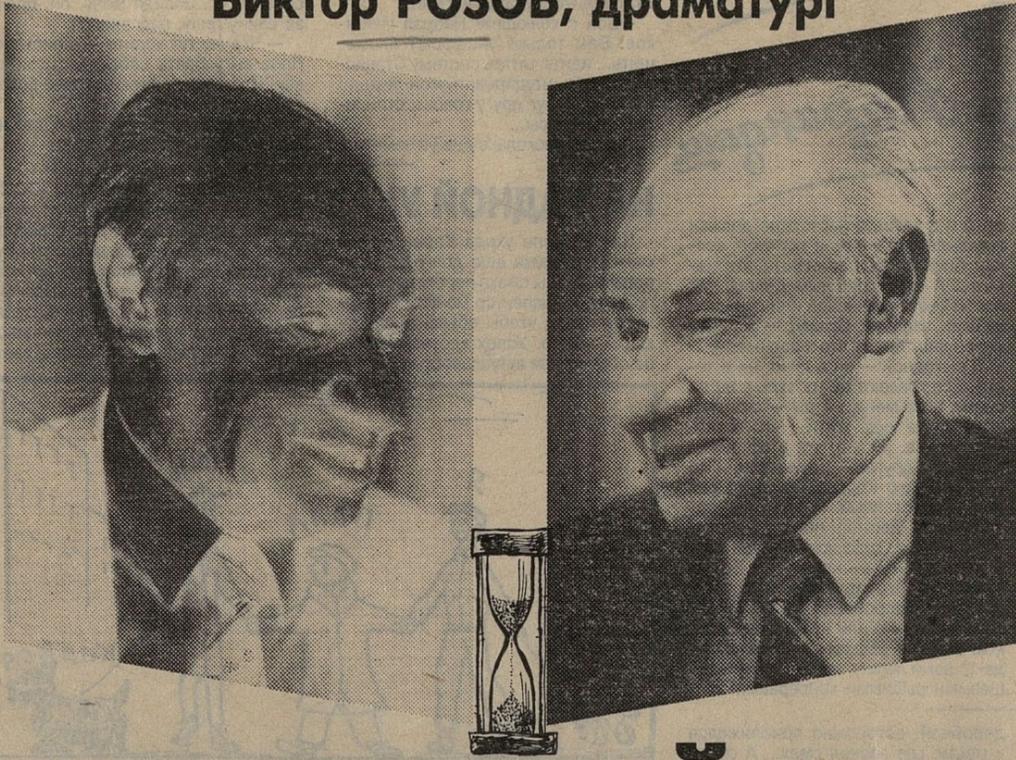

Виктор РОЗОВ, драматург

В НЕДОБРЫЙ ЧАС

— Виктор Сергеевич, ваше отношение к той жизни, какая была до перестройки, есть в ваших пьесах. Однако за десять последних лет новых ваших пьес не появилось, и оттого закономерен вопрос: как вы относитесь к жизни, которая началась после перестройки?

— Плохо отношусь.
— Почему?
— Видите ли, когда Горбачев начал перемены, я страшно обрадовался. Во-первых, я надеялся, что из нашей жизни наконец-то уйдет страх перед КГБ и, во-вторых, уйдет этот проклятый вопрос: где достать поесть?..

— Получается, что перестройка ваши надежды оправдала: КГБ никто уже не боится, да и поесть можно купить в любом магазине сколько душе угодно. Так ведь?

— Так, да не так! Я-то думал, что перестройка ограничится переменной экономической курса, я надеялся, что у Горбачева и его соратников была четкая экономическая программа... Оказалось, что ничего этого не было. И Ельцин, вскоре пришедший к власти, вернул страну к капитализму, то есть, по существу, совершил государственный переворот. А жить при капитализме я не хочу, поскольку хорошо знаю, что это такое.

— Но ведь ресурсы социализма, в рамках которого мы жили, практически были исчерпаны к 85-му году. Теперь это факт общеизвестный. Вспомните хотя бы пустые прилавки, бесконечные очереди... Вам не кажется, что наполнение прилавков и уничтожение очереди как раз связано с элементами капитализма, которые появились в нашей жизни?

— Знаете, я ведь человек старый, мне уже 83 года, поэтому я помню не только пустые прилавки недавнего времени, но и годы напса, например, или 1938 год, когда коммунисты сумели включить нужные экономические рычаги и сделать жизнь людей в этом смысле нормальной. Я помню, как после голода гражданской войны, когда приходилось грызть липовую кору, вдруг пришло это чудо напса, появилось все, все дешево и все отечественное. На копейку можно было купить три ириски, на девять копеек — десяток яиц. Мама стала печь пироги! Вы не можете себе представить, что это значит: после нескольких голодных лет однажды утром, проснувшись в постели, почувать запах настоящих домашних пирогов...

— Все время, пока страна жила при социализме, мы были закрыты от остального мира, большинство из нас и не представляло, что можно жить как-то иначе. Но ведь вы часто бывали за границей, видели реальную, а не выдуманную партийной пропагандой жизнь людей во Франции, в Америке, наверное, сравнивали ее с нашей жизнью...

— Видел, сравнивал и скажу честно — искренне восхищался тем, что видел. Но ведь не я первый всем этим восхищался. Хрущев в свое время был ошеломлен Соединенными Штатами не менее. Но он вернулся с желанием немедленно догнать и перегнать Америку. Ельцин трижды облетел вокруг статуи Свободы и, по его признанию, стал трижды свободнее... Когда мы с Валентином Катаевым возвращались из США, где нас принимал Госдепартамент, где мы были обласканы на самом высоком уровне, где нам показали все, чем могла гордиться Америка, где мы жили в лучших отелях и не испытывали никаких проблем, — так вот, по дороге назад, улочив момент, Катаев спросил меня: «Ну КАК?». И я ответил ему совершенно искренне: «ПОТРЯСАЮЩЕ!». Тогда, удовлетворенно кивнув, он сказал гениальную фразу: «Нас пытали роскошью».

Ах, как он был прав! Только мы эту попытку выдержали, а вот Хрущев и Ельцин нет. Понимаете, все дело в том, что мы никогда их не дого-

ним и никогда не будем жить так, как они. Поэтому бросаться за ними вдогонку — это заманчивый, но ложный путь. В сущности, современное западное общество построено на принципе всемерного, тотального удовлетворения материальных потребностей, этакое большое корыто. Но этого совершенно недостаточно для России, где изначально материальное было подчинено духовному, где жизнь человека никогда не сводилась только к насыщению и комфорту, где само человеческое тело всегда служило всего лишь оболочкой для души...

Я и по сей день убежден, что русскому человеку не нужны богатство и роскошь. Ему нужен достаток. Вот вам реальная история. Приходит к моему герою человек и говорит: завтра можно хорошо заработать, есть халтура, платят по 50 долларов в час. А мой герой отвечает: как заманчиво, однако не могу — завтра уезжаю с другом на рыбалку. Понимаете, ему утренний туман на речке, общение с другом, рыбалка больше по душе, чем 50 долларов в час.

Представьте себе, что я совершенно не завидую ни Гусинскому, ни Березовскому, хотя они несравнимо богаче меня. Я не завидую и тем, у кого дети учатся за границей в престижных колледжах. Мои учились в нашей прекрасной московской школе. Я не завидую им, потому что мне ничего этого не надо: ни богатства, ни престижных колледжей. Все, что мне действительно нужно, — это работа и средний уровень существования...

— Ну это все мотивы знакомые: русский человек у нас почему-то непременно Обломов и уж никак не Штольц, духовность у нас в обязательном противоречии с материальным достатком, да и само понимание духовности у нас — это скорее начитанность, нежели воспитанные качества души: сострадание, например, или терпение, или готовность прийти на помощь. Богаты ли мы этого рода духовность, можем ли этим гордиться?

— Я никогда не говорил, что духовность противоречит материальному достатку. Скорее, она в противоречии с роскошью и богатством. Что же касается содержательной части понятия «духовность», то я согласен с вами в том, что это не только и не столько начитанность. Однако мне кажется,

что в этом смысле люди в нашей стране были значительно богаче духовно раньше, нежели теперь. Приведу вам один пример из моей долгой жизни, а вы уж сами сравните и решайте, как у нас нынче с духовностью...

Когда началась война, я пошел на фронт добровольцем, сразу же был тяжело ранен в ногу и девять месяцев пролежал в госпитале, несколько раз мне делали операции. Однажды я проснулся после очередной операции, открыл глаза и увидел сидевшую подле меня женщину с добрым, милым лицом. Женщину-врача звали (я до сих пор помню) Мария Ивановна Козлова. Она принесла мне воды, я выпил. Потом она наклонилась ко мне и тихо спросила: есть хотите? Я кивнул. Что вы хотите съесть? — спросила она меня. Что может хотеть полумертвый солдат, давно вообще ничего не евший? Я полусерьезно сказал: хочу пирожков с мясом и... компота. Тогда это звучало примерно так, если бы я в условиях полярной зимы потребовал свежей садовой клубники. Мария Ивановна еще немного посидела у моей койки и ушла. А я провалился в долгий, глубокий сон. Проснулся я, наверное, часов через четырнадцать в светлой, солнечной палате. У койки в белоснежном халате стояла та же Мария Ивановна и в руках у нее была литровая банка с домашним компотом и тарелка с румяными продолговатыми пирожками. Это она успела за прошедшие ночь и утро сварить компот и испечь пирожки. Вот вам простой пример людских отношений советского времени. Они были замечательными, память о них до сих пор согревает меня...

— А что произошло в вашей жизни за это десятилетие? Вы стали жить хуже или лучше?

— Думаю, что хуже. Главное — из жизни ушел мой герой, перестали ставить мои пьесы. Правда, потихоньку сейчас начинают вновь ставить кое-что, но с прежними временами не сравнишь: ведь тогда почти каждая моя новая пьеса шла не менее чем в ста театрах страны. Кроме всего прочего, это и гонорар давало немалый. Теперь вот пьесы не ставят, гонораров нет. Но ничего, я не жалуясь. Мы и раньше-то, когда деньги водились, жили с моей Надеей скромно, по ресторанам не ходили, ужинать и обедать предпочитали дома. Бриллиантов и дорогой одежды тоже не покупали. Единственное, куда мне

удалось вложить свои гонорары — так это в дачу. А теперь вот экономим. Правда, не голодаем, в еде себе не отказываем. Раньше, правда, помогали родственникам, но теперь не получается...

Самое же печальное в том, что пришла старость, принесла болезни, которые не дают работать. Поэтому теперь я только читаю. Читаю современную драматургию и с горечью понимаю, что молодые драматурги — в тулике. Большинство из них необычайно талантливы, но печатать безвременья и бессмыслицы лежит на том, что они делают. А главное — ничего нового, ни-че-го! И это ведь не только в искусстве. Вспомните, с чего начала победившая советская власть: герб, гимн, флаг — все было новым. А целая плеяда представителей нового искусства, которая сразу же появилась: и Кандинский, и Шагал, и Прокофьев, и Мейерхольд, и Шостакович, и Ходасевич... Все было торжествующе новым. Что ж теперь? Не будем говорить о гимнах и флагах. Взгляните вокруг: Москва начинает застраиваться стандартными средневропейскими стеклянными коробками, которые лично я просто ненавижу...

— Что касается нового революционного советского искусства, то, на наш взгляд, не следует забывать, что с ним стало потом, а вот насчет стандартных стеклянных коробок — вы правы. Хотя было бы несправедливым не заметить, что Москва за последние 2 — 3 года изменилась и к лучшему: сколько старых особняков отреставрировано, сколько памятников архитектуры восстановлено, не стыдно стало водить гостей по центру...

— Да, да, это верно, и тут надо обязательно сказать доброе слово о Лужкове. Он дело делает, это без сомнения. Между прочим, я за него голосовал на выборах...

— Вот вы говорили о советском периоде времени... Для вашего поколения, для поколения шестидесятников, самой главной духовной опорой в жизни стала Великая Отечественная, наша Победа. Это был акт абсолютной справедливости: на нас напал враг, мы воевали за собственную свободу, за свою землю, и ценой множества жизней мы отстаивали все это. Точнее, вы, ваше поколение. Победа в Великой Отечественной, память о погибших — абсолютный нравственный императив. Это как аксио-

ма в математике: всегда необходимо нечто, не подвергаемое сомнению, иначе не на чем строить остальное, иначе все рассыпается... Но, к сожалению, время идет, и новым поколениям нужны новые «аксиомы», новые столь же незабываемые и прочные нравственные ориентиры. На ваш взгляд, какие нравственные ценности могут служить новому поколению столь же надежно?

— Убежден, те же, что и нашему поколению, ушедшему на войну мальчишками, — великая русская литература. Там все, что нужно любому человеку в любом возрасте.

— А что из русской классической литературы любите вы?

— Особенно — Достоевского. А из Достоевского особенно — «Братьев Карамазовых».

— Почему?
— Понимаете, мне кажется, Достоевскому удалось как бы разнять человека на составляющие, показать, без чего он не может существовать и что никогда не следует изымать из него. Митя Карамазов — это я, Иван — тоже я, Федор Павлович Карамазов — я и Алеша — тоже я. Человек — это бездна, и Достоевскому удалось это и показать, и доказать.

— Виктор Сергеевич, вот вы не принимаете сегодняшнюю жизнь. Значит ли это, что вы вместе с нынешними коммунистами?

— Я считаю, что они совершенно напрасно продолжают называть свою партию коммунистической. Это название всегда будет ассоциироваться с ГПУ и КГБ, с репрессиями, с цензурой, с преследованиями за убеждения. Знаете, недавно я случайно обнаружил одну удивительную вещь: оказывается, управление по охране государственных тайн в печати докладывало в ЦК КПСС, какие правки и изменения следует внести в текст моей пьесы «Традиционный сбор».

— И вы вносили эти поправки?

— Никаких конъюнктурных поправок я никогда себе не позволял. Еще в 49-м году меня долго уламывали, чтобы в текст моей первой пьесы я вписал имя Сталина. Я отказывался. Дирекция настаивала, я увиливал. И в конце концов от меня отстали. Зато после XX съезда партии раздался звонок из издательства, и меня попросили выкинуть из всех моих пьес фамилию Сталин. Я им говорю: у меня в пьесах нет этой фамилии. Они мне не верят и советуют внимательно еще раз все пьесы прочитать. А чего мне их читать, я и так знаю, что фамилии Сталин там нет. Ничего никогда не делал в угоду конъюнктуре. Про БАМ и про целину пьес не писал.

— Кстати, поколения советских людей, строивших БАМ, поднимавших целину, вообще искренне строятся социализм, сегодня переживают серьезный кризис: оказалось, что все или почти все сделанное этими поколениями никому теперь не нужно — ни БАМ, ни целина, ни социализм как таковой. Значит, жизнь целых поколений прошла впустую, если делали они, пусть искренне, но не то?..

— Нет, но именно то! Как можно считать бессмысленной жизнь людей, построивших колоссальную по протяженности железную дорогу? Да будущие поколения россиян, у которых хватит сил и средств для освоения северных территорий, в ножки поклонятся строителям БАМа. Как можно считать неправильной жизнь людей, запустивших в космос Гагарина, выигравших войну у сильнейшего и опаснейшего врага, создавших мощнейшую науку, научивших грамоте всех своих сограждан?.. Это прекрасная, исполненная глубочайшего смысла жизнь, и называть ее пустой может только тот, кто сам ничего в жизни не смыслит. Поверьте мне, я прожил много лет и кое-что научился понимать. Во всяком случае, в том, что я вам только что сказал, — убежден абсолютно.

Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА.
Фото Владимира БОРИСОВА.